

## РУСИФИКАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ УЧЕБНОМ ОКРУГЕ: ИТОГИ И ОЦЕНКИ

В статье рассматриваются итоги деятельности Белорусского учебного округа по русификации системы образования в белорусско-литовских губерниях, для эффективного осуществления которой и был создан этот округ. Целью этой русификации должно было стать «сближение тамошних жителей с природными россиянами». Показано, что, несмотря на то, что Белорусский учебный округ в целом выполнил стоявшую перед ним задачу русификации системы образования, конечная цель — русификация населения — достигнута не была. Округ был ликвидирован в 1850 г. решением императора Николая I по причинам, не связанным с оценкой эффективности его деятельности.

The article deals with results and assessments of activity of Belarusian school district, which was specially established for efficient implementation of rusification of educational system in Belarusian and Lithuanian provinces. The aim of rusification of educational system was convergence of local population with native Russians. It is shown that Belarusian school district executed its tasks, but the strategical aim was not achieved. The district was eliminated by decision of Nicolas I in 1850 due to reasons not related to assessments of its activity's efficiency.

*Ключевые слова:* Белорусский учебный округ, система образования, попечитель.

*Keywords:* Belarusian school district, the educational system, the curator.

К концу первой четверти XIX в. система образования на территории белорусско-литовских губерний, входивших в состав Виленского учебного округа (далее — УО), была практически полностью полонизирована, что являлось результатом деятельности администрации округа, попечителем которого с 1803 г. (т. е. с момента создания округа) до 1824 г. являлся князь А. Чарторыйский. Во всех учебных заведениях Виленской, Гродненской и Минской губерний и Белостокской области (последняя была включена в состав округа в 1810 г.), подавляющее большинство из которых содержались римско-католическими и униатскими монашескими орденами, преподавание осуществлялось на польском языке, а учебный процесс был направлен на формирование у учащихся польской национально-культурной самоидентификации [5, с. 289]. Русский язык в учебных заведениях этих губерний преподавал-

---

Игнатовец Людмила Михайлаўна — аспірантка кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

---

ся как иностранный, но его изучение и в таком статусе не могло иметь успеха, так как сами учителя были «недалеки в русской словесности» [8, л. 2—3].

Иной была ситуация в Витебской и Могилевской губерниях. На их территории действовало несколько учебных заведений, содержавшихся правительством, в которых обучение велось на русском или на двух — русском и польском — языках, но в большинстве учебных заведений, которые составляли учебные заведения при римско-католических и униатских монашеских орденах, учебный процесс также носил польскоориентированный национально-культурный характер [1, л. 2—3]. Это обстоятельство и вызвало обеспокоенность у генерал-губернатора Витебского, Могилевского, Смоленского и Калужского Н. Н. Хованского (назначенного на эту должность в 1823 г.), который считал подведомственные ему Витебскую и Могилевскую губернии исконно русскими и поэтому неправомерно подвергающимися полонизации. Свои соображения на этот счет он изложил в докладной записке, представленной императору в январе 1824 г. [2, с. 1785—1786]. Эта записка и положила начало процессу русификации системы образования в Витебской и Могилевской губерниях, присоединенных в октябре 1824 г. к Санкт-Петербургскому УО. С целью эффективного осуществления русификации эти губернии в 1829 г. были выделены в отдельный учебный округ — Белорусский — во главе с попечителем. Перед попечителем Белорусского УО, которым 3 августа 1829 г. был назначен Г. И. Карташевский, были поставлены следующие задачи: 1) реорганизовать с учетом местных обстоятельств систему образования в Витебской и Могилевской губерниях в соответствии с общероссийским Уставом учебных заведений 1828 г.; 2) обеспечить учебные заведения учителями «из русских»; 3) ввести преподавание предметов на русском языке, оставив возможность изучения местного языка (которым считался польский язык); 4) заменить постепенно учебные заведения, действовавшие при монастырях, учебными заведениями, содержавшимися правительством [9, л. 332 об.].

Уже к концу 1830 г. были достигнуты определенные результаты в решении этих задач: было закрыто 6 из 9 средних учебных заведений, содержавшихся католическим и униатским духовенством, вместо трех из них учреждены уездные училища, содержавшиеся правительством; 7 из 12 средних учебных заведений действовали на основании нового устава; во всех учебных заведениях, за исключением тех, что действовали при католических и униатских монастырях, преподавание велось на

русском языке. Трудности представляло только решение вопроса об обеспечении учебных заведений учителями «из русских» [3].

Успехи администрации Белорусского УО по русификации системы образования в Витебской и Могилевской губерниях и неудовлетворительные результаты русификации системы образования в Виленском УО, которую проводил с 1825 г. новый попечитель Н. Н. Новосильцев, привели к присоединению к Белорусскому УО в 1831 г. Минской губернии, а в 1832 г. Виленской и Гродненской губерний и Белостокской области, и тем самым к ликвидации Виленского УО [14, с. 476—478]. Присоединение этих губерний к Белорусскому УО означало, что в отношении их будет проводиться общая образовательная политика, целью которой, как следует из указа от 4 апреля 1831 г., было «сближение тамошних жителей с природными россиянами» [14, с. 426].

Система образования в Витебской и Могилевской губерниях была формально и содержательно русифицирована к концу 1837 г., когда было закрыто последнее среднее учебное заведение, действовавшее при католическом монастыре (доминиканская гимназия в Забялах). К этому времени все учебные заведения двух белорусских губерний действовали согласно общероссийскому Уставу учебных заведений 1828 г., преподавание в них осуществлялось на русском языке. Более того, польский язык в учебных заведениях этих губерний с 1836 г. не преподавался [14, с. 1012—1013]. Подобного результата русификации системы образования в четырех западных губерниях — Минской, Гродненской, Виленской и Ковенской — удалось достичь в 1843 г., когда было закрыто последнее среднее учебное заведение при католическом монастыре (польский язык не преподавался с 1839 г.). Вместе с тем обеспечение учебных заведений учителями и чиновниками «из русских» во всех губерниях Белорусского УО было не удовлетворительным, несмотря на ежегодное отправление выпускников русских университетов на работу в учебные заведения Белорусского УО. Многие из них вскоре возвращались в русские губернии [10, л. 1 об. — 2 об.].

Несмотря на то, что одна из задач по русификации системы образования не была выполнена в полной мере, можно констатировать, что в целом система образования в Белорусском УО к середине 1840-х гг. была формально и содержательно русифицирована — Белорусский УО оправдал цель его создания. Вместе с тем стратегическая цель — «сближение тамошних жителей с природными россиянами» — не была достигнута. На это обратил внимание императора Николая I Витебский губернатор С. А. Долгоруков в докладной записке «О причинах неприяз-

ненных действий помещиков Витебской губернии в отношении к православию», датированной 19 марта 1849 г. [11, л. 4—7 об.]. В этой записке губернатор обвинял «членов высшего дворянского круга в совершенном равнодушии, даже презрении ко всему русскому, и в особенности к Российским государственным установлениям». Как утверждал С. А. Долгоруков, нельзя было не заметить, что они в душе все чего-то желали и ожидали: женщины вышивали, где только могли, польский герб; дети, учась музыке, пели положенную на ноты польскую историю: там, где воспевалась победа — происходил сильный восторг, там, где неудача — приливали слезы. В этой связи губернатор высказывал убеждение, что «эти семена, с детства в сердцах поселяемые и с таким простором развиваемые» могли принести когда-нибудь пагубные для спокойствия государственного плоды. По его мнению, «если бы Польша опять зашевелилась, то нет сомнения, что многие здесь с радостью приветствовали бы такое событие; первыми же только оттого не будут, что боятся своих крестьян, при неимении денежных средств» [11, л. 4—5 об.]. Губернатор, признавая, что этот край был ему прежде не известен (и поэтому он не мог сравнить современное ему положение дел с прежним), но ссылаясь на мнение «людей, достойных веры», заключал, что «здесь польский дух сделался с некоторого времени гораздо сильнее, и что Витебская губерния напрасно не поставлена наряду с другими западными губерниями в этом отношении... В настоящее время намечается весьма мало слияния между русскими и поляками, и... на будущее время также нельзя ожидать больших успехов в этом деле, судя по образу здешнего воспитания». По словам С. А. Долгорукова, «светское образование», не говоря уже о домашнем, где все клонилось к тому, чтобы «поселить ненависть к имени русскому», мало соответствовало целям правительства: несмотря на то, что предметы преподавались на русском языке, в числе учителей (в том числе истории) было слишком много поляков, которые «вероятно» не упускали случая «воспламенять в учениках дух национальности». При таком положении дел русский язык, по мнению С. А. Долгорукова, никогда не вытеснил бы польского языка. Губернатор отмечал, что даже православных крестьян пытались учить по-польски, и как доказательство своих слов привел в пример помещика Беликовича, который «приказав закупить для училища польских словарей, вдруг стал требовать, чтобы крестьянских мальчиков учили польскому чтению и письму» [11, л. 5 об. — 7 об.]. На этой докладной записке император написал следующую резолюцию: «Министру народного просвещения обратить особое внимание» [11, л. 3].

Попечитель Белорусского УО Э. А. Грубер представил министру народного просвещения С. С. Уварову свой ответ на замечания С. А. Долгорукова. Попечитель признавал, что в учебных заведениях как Витебской, так и прочих губерний Белорусского УО действительно работало «значительное число учителей из уроженцев тех губерний». Вместе с тем он отмечал, что замена всех учителей русскими, хоть и могла показаться на первый взгляд весьма полезной, но «при очном соображении местных обстоятельств и удостоверении опыта», не принесла бы тех выгод, которых от нее можно было ожидать. Более того, она была сопряжена с многими затруднениями и неудобствами, не говоря уже о том, что принудительное удаление всех учителей и училищных чиновников из местных уроженцев вызвало бы сильное недовольство. Кроме того, влияние русских учителей, как преподавателей, «на дух и образы мыслей учащихся в политическом отношении» было весьма ограничено, так как, занимаясь в классах преподаванием какого-либо предмета, например математики, латинского языка и др., они не имели «ни повода, ни случая, ни даже времени делать учащимся какие-либо патриотические внушения». Если бы какой-нибудь преподаватель и захотел воздействовать на дух и образ мыслей учащихся, то ему, по мнению Э. А. Грубера, необходимо было, помимо выполнения своих учительских обязанностей, взять на себя роль политического миссионера, посвящая этому внеклассное время, чтобы сблизиться с учениками и «пробуждать их доверие и направлять умы их к русскому патриотизму». Попечитель с сожалением отмечал, что не многие учителя из русских чувствовали в себе призвание и имели соответствующие качества «для принятия на себя столь многотрудной обязанности»: большая часть из них, исполняя, впрочем, с точностью свои учительские обязанности, оставались почти чужды для учащихся вне классов, а некоторые «по неопытности или крутости характера, неуместным или слишком резким обнаруживанием своего русского патриотизма и неприязни к здешним жителям» больше вредили, чем приносили пользу «в деле преобразования этого края». Кроме того, попечитель отметил также, что в числе присылаемых в Белорусский УО русских учителей были иногда и такие, которые поведением своим не соответствовали званию учителя, и в силу этого не только сами не могли приобрести себе авторитета, но и формировали общее негативное представление о русских учителях, «подавая повод к невыгодному сравнению их с учителями из здешних уроженцев», которые вообще отличались хорошим поведением. Все это, по мнению попечителя, требовало самого тщательного подбора учителей, присылаемых в Белорусский

УО из внутренних российских губерний, и попечитель отметил, что он всегда старался замещать открывавшиеся вакансии учителей «природными русскими», особенно вакансии учителей истории, «как предмета, который может иметь самое большое влияние на дух учащихся» [11, л. 29—31].

Вместе с тем, давая характеристику учителям из местных уроженцев, Э. А. Грубер писал, что если не многие из них вполне содействовали видам правительства по внутреннему убеждению, то, по крайней мере, все они исполняли свои обязанности с усердием, и к тому времени, при всей строгости надзора за ними, не встречалось повода к подозрению, чтобы кто-либо из них позволял себе воспламенять в учащихся дух польской национальности и делать им какие-либо вредные внушения [11, л. 30].

Вообще же попечитель считал, что в Белорусском УО учебные заведения, содержавшиеся правительством, вполне соответствовали «своему назначению» и в изучении русского языка, который раньше почти не преподавался в них, достигли столь быстрых успехов, что нисколько не уступали соответствующим учебным заведениям во внутренних губерниях. И если, несмотря на совершенно русское учебное образование юношества, «дух жителей или лучше сказать дух дворянства» этого края мало изменялся в своей народности», или как заметил Витебский губернатор, «польский дух в Витебской губернии сделался с некоторого времени гораздо сильнее», то причину этого, по мнению попечителя, следовало искать не в недостаточном устройстве учебных заведений, но в других источниках, которые, подчеркивая польскую национальность, противоречили всем мерам правительства к водворению в «Северо-Западном крае» русской народности. Причины эти, как подчеркивал попечитель, столь важны, что если бы даже и женское образование «могло быть поставлено на ту же ногу», на которой находилось образование мужского пола, т. е. если бы были учреждены на счет правительства в достаточном числе «совершенно русские женские институты и пансионы, то и тогда, по мнению попечителя, местное дворянство «не обрусело бы и русский язык, и русский дух не вытеснили бы польской национальности». Главной из этих причин, по мнению Э. А. Грубера, была «религия», к которой принадлежало все местное дворянство и большая часть среднего сословия, «и не потому собственно, что эта религия есть римско-католическая», но потому, что в этом крае она была «привязана к польскому языку и польской народности», а правительство не только не имело в виду отделить польский язык от католической веры, но, как

представлялось попечителю, требовало, «чтобы они оставались навсегда нераздельными». Поэтому было вполне естественно, что местное дворянство и под его влиянием все юношество католического исповедания, обучавшееся в учебных заведениях Белорусского УО, считали себя не русскими, а поляками, и поддерживали они «свою отдельную польскую национальность» посредством «столь важного элемента», каким для них являлась религия в общественном и семейном отношении. В этой связи, по мнению попечителя, совершенно должно было быть понятно, «при таком направлении умов в здешних губерниях» училищное начальство было «не в состоянии действовать успешно на дух вверенного ему юношества в видах преобразования его народности, ибо все на этот счет внушения и даже исторические преподавания о русском происхождении здешнего края» принимались с недоверчивостью и не проникали в массу юного поколения [11, л. 35—37 об.].

Другой также важной причиной «упорно польского и при том весьма неприязненного ко всему русскому духа» была, по мнению Э. А. Грубера, «реакция, которая по общему порядку вещей всегда следует за политическими переворотами, подобными тому, который испытал здешний край после мятежа 1831 г.». Попечитель считал, что если и можно было надеяться, что это противодействие со временем уступит постоянным усилиям правительства по поддержанию введенного в этом крае устройства, но не менее того, оно на тот момент поддерживалось и даже усиливалось как внешними политическими событиями, так отчасти и теми мерами строгости, которые правительство вынуждено было принимать для поддержания в этом крае порядка и спокойствия [11, л. 38].

Таким образом, попечитель Белорусского УО Э. А. Грубер, так же как и Витебский губернатор, признавал, что цель правительства по «сближению тамошних жителей с природными россиянами» не была достигнута — местное дворянство не только не сменило свою польскую национально-культурную самоидентификацию, но еще более укоренилось в ней. Вместе с тем попечитель утверждал, что система образования в Белорусском УО была русифицирована и со своей стороны обеспечивала необходимые условия для формирования у местного населения русского национального самосознания.

Министр народного просвещения С. С. Уваров подготовил на основании письма Э. А. Грубера записку, которая в основной своей части почти дословно повторяла содержание письма попечителя. Министр также подчеркивал, что «если несмотря на совершенно русское учебное образование юношества мужского пола в тамошних учебных заведени-

ях дух жителей или, лучше сказать, дух дворянства этого края мало изменяется в своей народности, и если, как замечает в должности гражданского губернатора, польский дух в Витебской губернии сделался с некоторого времени гораздо сильнее, то причину этому надлежит искать не в недостаточном устройстве учебных заведений, но в других источниках, которые, подчеркивая польскую национальность, противоречат всем мерам правительства к водворению там русской народности, должны необходимо отзываться на учебные заведения». В заключение министр вывел следующее: 1) «Система публичного образования в учебных заведениях Витебской губернии ведомства Министерства народного просвещения» была основана на тех началах, которые исходили из намерений правительства, в уставах учебных заведений выраженных, и «из особенных видов», относившихся к этому краю, а выполнение предписанных мер не навлекало никакого нареkania на исполнителей, поэтому причины «предосудительного духа дворянства» следовало искать «не в публичном образовании»; 2) Система образования должна следовать «тем направлением, которое ей дано» было, и ни в каких особенных мерах не существовало надобности — увеличение числа учителей «из русских» следовало продолжать согласно существовавшему порядку; 3) «Местное общественное воспитание по изложенным обстоятельствам» не могло получить “более удовлетворительного значения до предоставления значительных средств”» [11, л. 53—55 об.].

Записка С. С. Уварова, датированная 27 июня 1849 г., была заслушана на заседаниях Комитета министров 20 сентября и 4 октября 1849 г. Комитет принял решение «объяснение Министра народного просвещения о публичном воспитании в Витебской губернии довести до Высочайшего Его Императорского Величества», которое император, в свою очередь, утвердить соизволил [11, л. 59 об.]. Первой и, скорее всего, единственной реакцией на поднятый Витебским губернатором вопрос было требование о неопределении уроженцев губерний Белорусского УО, закончивших русские университеты, в учебные заведения Белорусского УО, а направление туда на открывавшиеся вакантные учительские места учителей (выпускников университетов) из «природных русских», что и было закреплено в соответствующем указе [16, с. 1097].

Таким образом, министр народного просвещения С. С. Уваров также считал, что Белорусский УО в частности и Министерство народного просвещения в целом выполнили свою задачу по русификации системы образования в «Северо-Западном крае», и никаких экстраординарных мер в отношении Белорусского УО принимать не следовало. Огла-



шенные министром доводы о том, почему не была достигнута цель правительства в отношении местного населения, были приняты и Комитетом министров, и императором. Тем не менее, спустя полгода после увольнения С. С. Уварова с должности министра, императором было принято решение ликвидировать Белорусский УО. Согласно указу от 2 мая 1850 г. из Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской губерний вновь был создан Виленский УО, управление которым на правах попечителя было возложено на Виленского военного, Гродненского, Минского и Ковенского генерал-губернатора И. Г. Бибикова; Витебская и Могилевская губернии снова были включены в состав Санкт-Петербургского УО [15, с. 988—989]. В этот же день императором был подписан указ об увольнении, по прошению, действительного статского советника Э. А. Грубера от должности попечителя Белорусского УО с оставлением его в должности члена Главного правления училищ Министерства народного просвещения.

В архивах не обнаружены документы, которые могли бы выявить причины ликвидации Белорусского УО. Однако на основании косвенных данных можно утверждать, что император принял это решение в ходе встречи с главой III Отделения графом А. Ф. Орловым, который и передал эту «волю» императора министру народного просвещения П. А. Ширинскому-Шихматову для того, чтобы тот подготовил проекты соответствующих указов [12, л. 5—6]. К сожалению, причины принятого Николаем I решения о ликвидации Белорусского УО остаются неизвестными.

Для решения задачи русификации населения западных губерний (в первую очередь дворянства) возможностей системы образования оказалось недостаточно — необходима была реализация комплекса мероприятий общественно-политического и социально-культурного характера, частью которых должна была стать русификация системы образования.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ). Ф. 567. Оп. 2. Д. 2255 — Дело об инспектировании белорусских учебных заведений профессором Сенковским. 1827 г.
2. Дополнение к сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803—1864. Пб., 1867.
3. *Игнатовец Л. М.* Русификация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях (1830—1850 гг.) // Весн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. 2012. № 1. С. 21—27.

4. Кузнецова С. А. Асвета на Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя: тэндэнцыі развіцця // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён : зб. артыкулаў. Мінск, 1992. С. 92—102.

5. Мемуары князя Адама Чарторжскаго и его переписка с императором Александром I : в 2 т. М. : К. Ф. Некрасов, 1912—1913. Т. 1. 1912. 388 с.

6. Парашкоў С. А. Адукацыя і асвета на Беларусі пасля далучэння сёл да Расійскай імперыі (канец XVIII — першая палова XIX ст.) : вучэб. дапам. для студэнтаў ВНУ. Магілёў, 1998. 54 с.

7. Поссе В. С. Просвещение в Белоруссии в конце XVIII — первой половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 1963. 385 с.

8. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 66. Д. 38 — Дело о рассмотрении записки попечителя учебного округа о действиях его в отношении учебных заведений Минской губернии, присоединенных к Белорусскому учебному округу. 1831 г.

9. РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 6 — Дело о рассмотрении Комитетом устройства учебных заведений проекта общего преобразования учебных заведений Белорусского учебного округа. 1826—1830 гг.

10. РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 98 — Дело о назначении помощником попечителя округа старшего члена бывшего правления учебного округа Э. А. Грубера. 1832—1836 гг.

11. РГИА. Ф. 733. Оп. 66. Д. 918 — Дело об осмотре Витебским гражданским губернатором учебных заведений Витебской губернии и о предложении им мер по усилению русского влияния в западных губерниях, в противовес влиянию польскому. 1849—1850 гг.

12. РГИА. Ф. 733. Оп. 62. Д. 1131 — Дело об образовании Виленского округа. 1850 г.

13. Самусік А. Русіфікацыя сістэмы асветы на беларускіх землях у апошняй трэці 18 — другой палове 19 ст. // Гістарычны альманах. Гародня, 1998. Т. 14. С. 48—93.

14. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. Пб. : Тип. В. С. Балашова, 1875. Т. 2 : Царствование императора Николая I, 1825—1855, отделение 1: 1825—1839. — 1875.

15. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. Пб. : Тип. В. С. Балашова, 1875. Т. 2 : Царствование императора Николая I, 1825—1855, отделение 2: 1840—1855. — 1875.

16. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Пб. : Тип. Императорской Академии наук, 1866—1904. Т. 2 : 1835—1849. 1866.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 22 мая 2012 г.